

БЛЕСТЯЩИЙ ПРОИГРЫШ

рассказ

Тогда еще не был построен Центральный Дом литераторов. Клуб писателей помещался в старинном особняке на улице Воровского, рядом с домом Союза писателей, где поселил когда-то великий Толстой семью графа Ростова в "Войне и мире".

Матч шахматистов "писатели - ученые", организованный Клубом писателей и московским Домом ученых, должен был состояться в нижней гостиной с камином, примыкавшей к большому дубовому залу с винтовой лестницей на антресоли. С нее якобы свалился подвыпивший император Александр III. Ныне это - ресторанный зал Центрального Дома литераторов.

Матч состоялся на десяти досках. В ту пору я не считался еще ни мастером, ни тем более международным мастером, но играл, быть может, сильнее, чем теперь, когда этими почетными званиями награжден за этюдную композицию.

Меня посадили на третью доску. На первой честь литераторов защищал капитан команды А.А., полный тезка великого Алехина, "человек неожиданностей". Он считался неукротимым игроком в блиц, обладал феноменальной памятью, знал, когда и в каком турнире какое место занял любой его участник. И любил сверкать острословием и знанием необыкновенных событий из шахматной и не только шахматной жизни. Это о нем, ходячем энциклопедисте, кажется, сам Виктор Борисович Шкловский говорил, что, ежели А.А. чего-нибудь не знает, надо послать за слесарем. Слыл А.А. большим чудаком и словно ставил своей целью удивлять людей. Так, спустя несколько лет после матча, о котором пойдет речь, он удивил, более того, поразил и ошеломил работников Мосгаза, потребовав отключения своей холостяцкой квартиры в многоэтажном доме близ Смоленской площади от газа... Оказалось, что выполнить такое несуразное требование куда труднее, чем газифицировать новостройку. Потребовались несчетные согласования, разрешения, резолюции... И только упрямая

настойчивость нашего шахматного Капитана позволила ему настоять на своем праве жить в Москве без газа!

Эта настойчивость и способность удивлять, несомненно, помогали его шахматным успехам. Проигрывать он не любил, и всякий раз удивлялся этому сам.

К шахматам он относился прежде всего как к спорту. "Очко любой ценой!" - вот его девиз. Правило "пъес туше, пъес жуе" он почитал в шахматах основным, чем часто огорчал нашего шахматиста-поэта, игравшего на десятой доске, который обычно просил у Капитана ход обратно, но слышал неумолимое "Тронул пешку - бей!". Играл же Поэт скверно, но самозабвенно. Уже пожилой в то время, высокий, грузноватый и совсем седой, он обладал неистощимым юмором и был всеобщим любимцем, расточая шуточные стишки и эпиграммы по любому поводу. Это он поддразнивал в двадцатых годах Маяковского в споре с поэтом Атуевым - "Ату его, Атуева!".

Особенно сильных шахматистов среди нашей команды не было, и наибольшей известностью в шахматном мире пользовался писатель Абрам Соломонович Гурвич. Ныне он признанный классик шахматного этюда, разработавший его эстетику. Тогда же, после перенесенной болезни, ограничившей его подвижность, играть он не стал, а пристроился у моей доски, как собрат по этюдам, наблюдателем. Когда он был здоров, то прославился не только как первый театральный критик, гроза драматургов и режиссеров, но и как непревзойденный бильярдист. Помню рассказы о нем Константина Георгиевича Паустовского, обучавшего меня не только писательской, но и бильярдной премудрости. Гурвич, оказывается, мог кончить бильярдную партию (американку) "с одного кия"... То есть не давая партнеру даже хоть раз ударить по шару. Разумеется, в том случае, когда первый удар был за ним.

Первый удар на моей доске был не за мной. Моим противником оказался стройный инженер-полковник, который, в отличие от меня, уже снявшего полковничьи погоны, явился к нам вместе с профессорами и доцентами в полной военной форме. Я удивился, что полковник играет за Дом ученых, когда война уже кончилась. Его

фамилия ничего мне не сказала. Он крепко, по-мужски, до боли в моей кисти пожал мне руку и уселся за белые фигуры. Молодое лицо оттенялось совершенно седыми волосами. А ему едва ли стукнуло сорок лет!

Много позже я узнал, что это ему, незадолго до войны закончившему курс Института тонкой химической технологии, за его студенческую дипломную работу присвоили не только звание инженера, но и ученую степень кандидата химических наук! Его ждала блестящая научная будущность! А шахматная?..

Партия наша складывалась своеобразно. Короли взаимно вторглись в пределы противника, белые ради этого даже пожертвовали пешку, которая, однако, не сулила мне каких-либо шансов. Наш Капитан выиграл, вызвав примененным дебютом удивление партнера. Его примеру последовали еще три наших писателя, двое сделали ничьи. Поэт, конечно же, проиграл, потому что брать ходы обратно в матче не полагалось. Правда, он нашел иное оправдание своему поражению, заявив, что его погубила слишком красивая девушка, стоявшая за спиной у противника и наблюдавшая за игрой.

Это была моя молодая жена, с которой я не успел познакомиться Поэта. Кстати говоря, она совсем не знала шахмат.

Великолепный седовласый Поэт поднялся во весь свой могучий рост и протянул руку выигравшему у него старичку:

- Поздравляю от души,
Приготовьте беляши!

И добавил:

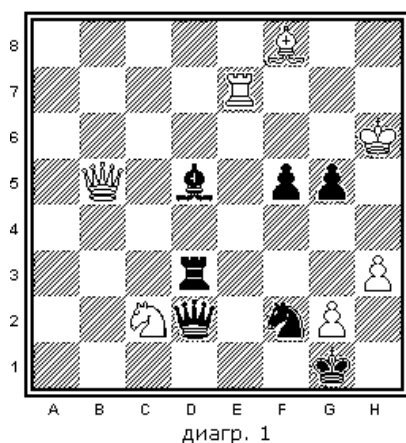
- Страсть как их люблю.
Непременно приду!

Вместе со своим противником и девушкой, погубившей его "смертную (в отличие от бессмертной андерсоновской) партию", Поэт переключался к моей доске, где борьба должна была решить исход матча, ибо после окончания девяти партий литераторы вели в счете с преимуществом в одно очко.

Я слышал, как за моей спиной наш Капитан А.А. громко рассуждал о великом искусстве незабвенного Капабланки делать ничьи, угрожая

тем самым самому существованию шахмат. Капитан старался, чтобы я услышал его и понял, что обязан сделать ничью любой ценой.

Впрочем, положение на доске, пожалуй, было равное, несмотря на недостачу белой пешки. Во всяком случае, мне беспокоиться, казалось бы, не приходилось (диагр. 1).

Белые сыграли: 37. Ke1, напад на мою ладью и грозя вторжением своей ладьи на e2. Легко убедиться, что шах ладьей 37. Le1+ вел просто к потере пешки g2 и давал мало шансов на продолжение атаки. Ходом коня мой противник и защищал (по крайней мере от короля) пешку g2, и вселял надежды на многообещающую атаку. Спокойной игрой свести эти шансы к нулю, вероятно, не составило бы труда. Скажем: 37... Le3 и на 38. Фb1 Фd1 - 39. Ф : f5 Ф : e1 40. Л : e3 Ф : e3 41. Ф : d5 g4+ 42. Kph5 g : h3 43. g : h3 Ф : h3+ - ничья!

Все это я рассчитал, времени до контроля у меня было достаточно (в отличие от моего противника!), но... Вариант показался и длинным и скучным. К тому же рядом со мной сидел художник шахмат Гурвич, а напротив стояла, смотря не столько на доску, сколько на меня, вызывая мой ответный взгляд влюбленного, "слишком красивая", по словам Поэта, "девушка" - моя молодая жена. И мне захотелось покрасоваться перед ней и блеснуть замашками этюдиста. Пусть, в отличие от Гурвича, она не поймет отражения своей красоты на шахматной доске, но, быть может, услышит восторженные восклицания окружающих! У партнера на часах ожил флажок. И я сделал безумный цейтнотный ход - пожертвовал "на ровном месте" ладью! Все ахнули.

37... Л : h3+

Противник мой вздрогнул. Ход был неожиданным. Флажок на его часах грозно поднимался, а он думал...

План мой, как мне казалось, был ярок и верен: оживить черную пешку g5, с темпом перебросить ее на h3, откуда она будет стремиться превратиться в ферзя на h1!

Молодой полковник с седой головой взглянул на часы и нерешительно взял ладью пешкой.

38. g : h3.

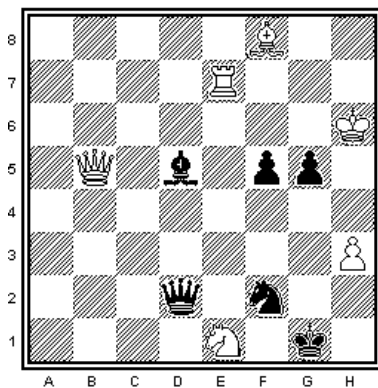
Собственно, ничего другого ему и не оставалось. И совершенно напрасно возвышавшийся над зрителями наш Поэт внятно, с расстановкой по слогам произнес:

- Не вижу тут лад я,
Коль гибнет так ладья!

Я взглянул на Гурвича. Он был непроницаем, но мне показалось, что он укоризненно качнул головой.

Я не давал опомниться загнанному в цейтнот противнику.

Вот позиция, стоявшая тогда на доске (диагр. 2). Ход черных. Но

есть ли у белых выигрыш? Неужели моему дерзкому плану оживления пешки g можно противопоставить другой план? **38... g4+ 39. Kph5!**

Противник сыграл быстро. У него не было времени. Я и теперь не знаю, почему он двинул короля вперед, а не отошел назад? Тогда не получился бы финал, который он не мог - честное слово! - не мог видеть в цейтноте! - **39... g : h3**

Я осуществил свой замысел. Пешка g превратилась в грозную проходную, но... нашла коса на камень. На доске, по существу, завязалась не только борьба фигур, но и борьба планов! Чей план окажется дальновиднее и результативнее? Конечно, король мой открылся. Ладья могла его шаховать. Но я предвидел это и считал, что закроюсь от шаха конем, который надежно подкреплён пешкой f5. Так оно и случилось. Партнер мой сделал последний до истечения времени ход: **40. Лg7+ Kg4!** как и было задумано!

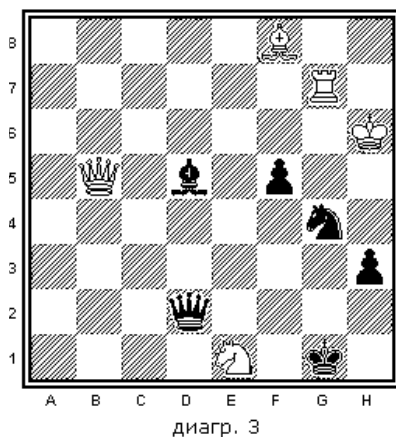
Казалось, все в порядке! Моя ожившая пешка на h3 доставит белым достаточно хлопот. Как они теперь пойдут, какой ход будет записан при откладывании партии? Ждать придется до завтра!

Я осмотрел зрителей. Жена улыбнулась мне, и я был вознагражден за свое шахматное ухарство. Капитан А.А. хлопнул меня по плечу и, наклонившись к моему уху, шепнул:

- Ничья! Молоток! Правда, не капабланковская. Вычурная...

Моей ничьей было достаточно для выигрыша матча.

Я встал и вместе с друзьями отошел к камину, огромному, глубокому, где когда-то завораживающе пылали угли. Гурвич захватил шахматную доску и, засунув ее в камин, поставил ее там на решетку (наверно, чтобы не видны были варианты), расставил отложенную позицию (диагр. 3).

- Ничья, говорите? - обратился он к А. А. - Подождите, как бы атака не привела к мату.

- К мату? - презрительно усмехнулся Капитан. - Ваши маты бывают только в задачах. Ллойд там... или, куда ни шло, наш Петров. Еще Пушкину понравилась его задачка - "бегство Наполеона из Москвы". Здесь Наполеоном, извините, не пахнет. Анахронизм это, с позволения сказать!

- Но позволения как раз и нет! - отпарировал Гурвич. - Все результативные партии заканчиваются матом. Правда, не все доводятся до него. Но мат венчает удачную атаку на короля.

- Атака, говорите? Так она захлебнется, как котенок в колодце! - продолжал Капитан. - Одна пешка h чего стоит!

Жена понимала, что спорят из-за меня, что я взбудоражил всех, но что все равно пора идти домой. И она передала мне это взглядом. Но я сделал вид, что не понял.

К камину подошел Поэт и продекламировал, глядя на мою жену:

- А как он ловко съел ладью!

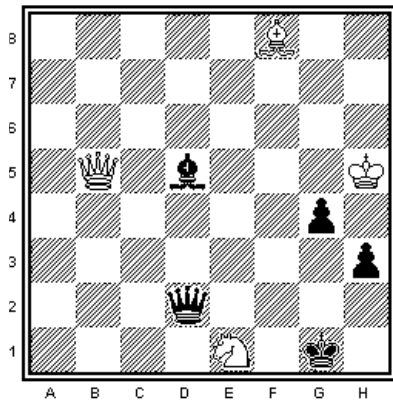
Пешечкой р-раз - и нет, адью!

Капитан наблюдал, как полковник заклеивает и передает судье конверт:

- Интересно, какой ход он записал?

- Скорее всего **41. Л : g4+** - отозвался Гурвич.

- Что? Жертва качества! - удивился Капитан. - Зачем? - И он взял белую ладью черной пешкой: **41...f : g4**. - И что же? (диагр. 4)

диагр. 4

- А вот теперь шах слоном, чтобы затормозить пешку h, - показал Гурвич: **42.**

Сс5+ Кph2

- Собака не лает, когда зарыта. Так где? - спросил Капитан.

- Все дело в том, знает ли он этюды, есть ли у него эстетический шахматный глаз? - загадочно произнес Гурвич.

- Что за "клеточная эстетика"? -

возмутился А. А.

- Надеваю "эстетические очки", не подыщу рифмы. Что надо увидеть? - спросил Поэт.

- Блестящую матовую комбинацию, - заверил Гурвич.

- Да что он, Алехин, что ли? - возмутился Капитан. - Или все мы тут слепые котята?

- Просто вам нужна ничья, вот ее вы и видите. Алехин, конечно, разгадал бы позицию! Решил этюд!

- Он не Алехин, а Сахаров, Борис Андреевич, - вмешался я. - Мы прежде с ним не встречались. Не знаю его отношения к этюдам, но нам с Абрамом Соломоновичем, этюдистам, в отложенной позиции действительно видится мат.

- "Видится, кажется"! Раньше в таком случае крестились. А теперь все - басурмане. Так что за нечистая здесь сила? Покажите, - потребовал Капитан.

- Покажем? - спросил меня Гурвич.

Я молча кивнул и двинул вражеского ферзя, грозя матом, на g1 -

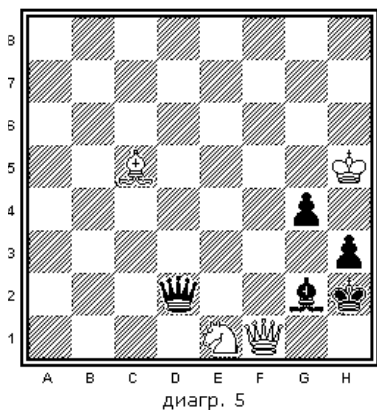
43. Фf1

Капитан оттеснил меня от камина и стукнул фигурой по доске:

- Есть защита! - **43... Cg2!** Нате, выкусите! Пожалуйста бритесь! Какой уж тут выигрыш! Не до жиру...

Друзья впоследствии подтрунивали над ним, говоря, что он потому отказался от газовой плиты, что грел чайник темпераментом.

Все смотрели в камин на «пылающую там позицию» и переглядывались (диагр. 5).

- Так ради какой псевдоэстетики жертвовали вы ладью на g4? Покажите нам, несмышленишам, - требовал Капитан.

- Покажем? - опять спросил меня Гурвич.

Я снова молча кивнул и дал шах конем собственному королю: **44. Kf3+**

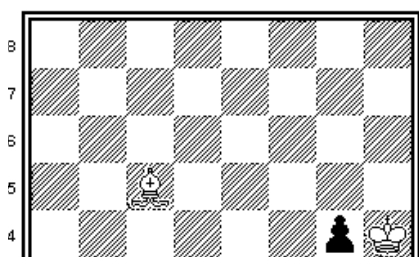
- Ну уж позвольте, мушкетеры! - возопил, втискивая свое громоздкое тело в камин, Поэт. - Знаем мы этих этюдистов, стрекулистов. У них

все построено, как у рыбаков, на приманке. Клюнет рыбка, и он ее вытащит. А мы не клюнем - и тогда "дырка" - опровержение этюда!

- Бывает, конечно, - согласился Гурвич. - Хотите отойти королем, пойти на размен? Пожалуйста.

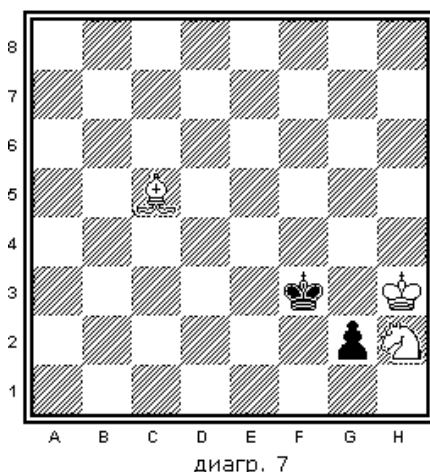
- Хода обратно не попрошу, - заявил Поэт и сделал ход: 44... Kpg3

Гурвич усмехнулся и показал вариант: 45. К : d2 С : f1 46. К : f1+ Kpf3! 47. Kph4! - это очень важный ход! (диагр. 6) - 47... Kpg2 48. Ke3+ Kpf3 49. К : g4 Kpg2 50. Cdb и белые выигрывают!

- Ишь какой хитрец! Беру ход обратно после вашего важного хода королем: 47... g3! - попробуйте-ка взять пешку? А?

- А мы другую возьмем, - улыбнулся Гурвич. - 48. Kp : h3 g2 49. Kh2+ (диагр. 7), и вы, черные, проиграли!

- Черные не вы, а мы! - неожиданно вмешался Капитан. - Вернемся назад. Благо шахматисты - единственные, кто владеет "машиной времени" и может начинать

сначала, при анализах, разумеется. Значит, придется после шаха конем на f3 брать его пешкой.

- Тогда последует заключительная фаза комбинации, показал я: -

44. Kf3+ g : f3 45. Фg1+ Kpg3 46. Фf2+

- Ферзя-то зачем зевать? - крикнул Поэт и, дотянувшись длинной рукой до доски, схватил белого ферзя.

Я поставил на его место черного **46... Ф : f2** и объявил:

47. Cd6+ мат!

- Обратите внимание, - заметил Гурвич. - Все фигуры передвинулись. Целых четыре поля вокруг черного короля заняты его пришедшими на эти места фигурами: двумя пешками, слоном и даже ферзем - четыре активных блокирования! И белый король оказался на месте, чтобы принять участие в матовой картине.

- Неужели он видел ее, когда пошел королем вперед? - прошептал я.

- Все это позволило белым, - не слушая меня, продолжал Гурвич, - дать мат единственным оставшимся у них слоном. Не без помощи защитников, заметьте. Совсем как при досадном голе на футбольном поле.

- Вы бы еще пенальти перенесли на шахматную доску, - сердито буркнул Капитан.

- И мат дан не с краю доски. Это тоже красивее, - продолжал Гурвич. - Вот в этом и заключается эстетика на клетчатой доске. - И он

взглянул на Капитана. - Высшая красота, как и в жизни, в торжестве мысли над грубой силой! - И Гурвич назидательно постукал пальцами по группе сгрудившихся черных фигур.

Мне удалось выполнить пожелание Гурвича и создать этюд памяти Б.А.Сахарова. Вот его решение: (диагр. 8) **1. a8=Ф g4+ 2. Kph5 C : a8 3. g8=Q g : h3 4. Фc4+ Kpg1 5. Лg7+ Kg4** и т.д.

